

— На поле боя нет места для осторожности. Если с тобой что-то случится, как твоя приёмная мать сможет жить! — голос Сун Юя дрожал и срывался. — Как я смогу жить...

Твёрдость в глазах Сяо Кана мгновенно рассеялась. Он никогда не задумывался о том, что будет, если он действительно погибнет на поле боя.

— Твой приёмный отец умер с открытыми глазами. Если ты... — Гуань Яо не закончил фразу, перед глазами потемнело, и он тут же потерял сознание, ноги подкосились.

— Второй брат! — Сун Юй быстро подхватил его.

Сяо Кан тоже вскочил на ноги:

— Дядя Яо! Дядя Яо!

— Иди, найди Линьцзяна! Быстрее! — запаниковал Сун Юй, суетливо поднял Гуань Яо на руки и понёс его вниз.

Через час в бамбуковой хижине.

Сун Юй поправил одеяло на Гуань Яо, глубоко вздохнул и вышел наружу.

Чжао Линьцзян и Сяо Кан стояли снаружи, ожидая его.

— Когда он придёт в себя? — Сун Юй посмотрел на Чжао Линьцзяна.

— До наступления темноты, — честно ответил Чжао Линьцзян. — Через час нужно будет дать ему ещё лекарство.

Сун Юй немного успокоился:

— Это отравление или...?

— И то, и другое. Сегодняшний приступ, вероятно, вызван... сильным стрессом и эмоциональным потрясением.

Взгляд Чжао Линьцзяна чуть не переметнулся на Сяо Кана.

Сун Юй кивнул:

— Понял. Если всё в порядке, иди отдохни. Придешь, когда придёт время.

— Хорошо.

Чжао Линьцзян слегка поклонился и спустился по каменным ступеням.

Остались только Сяо Кан и Сун Юй, смотрящие друг на друга.

— Ты тоже иди, — сказал Сун Юй. Сейчас он не хотел видеть Сяо Кана или, скорее, не знал, как с ним общаться.

— Дядя Яо потерял сознание из-за меня. Я не могу уйти, — тихо сказал Сяо Кан.

Сун Юй сейчас не был в настроении спорить, да и время было неподходящее:

— Приготовь что-нибудь, чтобы было готово для дяди Яо.

— Хорошо.

Сяо Кан не осмелился больше ничего сказать и пошёл выполнять указания.

Сердце Сун Юя словно погрузилось в бездну, наполненную бессилием и страхом.

Он боялся, что Сяо Кан отправится на войну, боялся, что Гуань Яо не придёт в себя, боялся потерять Гуань Яо, боялся потерять Сяо Кана.

Через час Чжао Линьцзян вовремя вернулся, чтобы дать Гуань Яо лекарство. Тот ненадолго пришёл в себя, а затем снова спокойно уснул.

Наступила ночь. Сун Юй, сидевший рядом, только что зажжёт лампу, когда с холодного ложа раздался слабый голос. Гуань Яо наконец проснулся.

— Уже стемнело? Почему не зажгли свет? — Голос Гуань Яо звучал устало и пусто.

Сун Юй замер. Он посмотрел на зажжённый фитиль в руке — свеча уже ярко освещала всю хижину.

— Свет... уже зажжён, — страх в сердце Сун Юя усилился.

Гуань Яо на ложе тоже замер, затем с улыбкой вздохнул:

— А, видимо, старый недуг снова дал о себе знать. Ничего, хорошо, что зажгли.

Сун Юй подошёл к ложу, сел рядом и помахал рукой перед глазами Гуань Яо. Увидев, что тот не реагирует, его сердце сжалось от боли.

— Может, свет будет слишком ярким? Может, погасим его? — Сун Юй старался не показывать своё уныние.

Гуань Яо закрыл глаза:

— Ничего, примерно через полчаса зрение вернётся. Пусть горит, ты же здесь.

— Хорошо.

Сун Юй не знал, что сказать.

Старый недуг Гуань Яо всегда был болью в сердце для Сун Юя.

Три года назад Гуань Яо отравился, и яд распространился по его кровеносным сосудам и меридианам. Половина его внутренней силы была потеряна, он часто терял сознание, и после временных обмороков страдал от кратковременной слепоты, что причиняло ему большие страдания.

Несмотря на то что за эти три года они обращались ко многим врачам и пробовали множество лекарств, радикального лечения так и не нашли.

Чжао Линьцзян лишь регулярно проводил терапию, чтобы контролировать состояние Гуань Яо и стараться сдерживать распространение яда в его теле.

— Цзинъюнь здесь? — Гуань Яо открыл глаза, словно мог видеть, и огляделся вокруг.

Сун Юй вздохнул:

— Нет.

— Во время обморока мне приснился приёмный брат, — в голосе Гуань Яо слышались и раскаяние, и радость.

Сун Юй натянуто улыбнулся:

— Да? И что же ему снилось?

— Это, наверное, было наваждение. Во сне приёмный брат велел нам верить Цзинъюню, верить, что он сможет преуспеть и усмирить северо-запад.

Гуань Яо слегка постучал себя по лбу.

— Это всего лишь сон, — Сун Юй не знал, кого он утешал. — Приёмный брат всегда был оптимистичен.

Гуань Яо кивнул:

— Приёмный брат боится, что мы не сможем смириться с этим, поэтому поспешил явиться мне во сне.

— Если это сон, то он сбудется, второй брат.

Сун Юй невольно сжал кулаки.

Гуань Яо вдруг громко рассмеялся:

— Да, ты прав, это сбудется. Приёмный брат никогда не обманывал нас.

Приёмный брат никогда не обманывал нас, даже во сне.

Поэтому они могли только верить, что Сяо Кан сможет усмирить северо-запад.

Указ уже был издан, и это был факт, который нельзя было изменить. Как бы они ни сопротивлялись, они не могли позволить Сяо Кану послушаться указа.

Ослушание указа означало, что Сяо Кану пришлось бы скрываться всю жизнь, а затем привести к гибели всю крепость Хэйяо.

Подчинение указу, если говорить великодушно, означало, что Сяо Кан поведёт войска на защиту страны. Если говорить менее оптимистично, это означало, что Сяо Кану нужно быть готовым к жизни или смерти.

Эта ситуация уже была безвыходной.

Смерть Сяо Цяня, которая была не по его воле, и болезнь Гуань Яо, которая тоже была не по его воле, стали кошмаром для Сун Юя на полжизни.

Теперь судьба Сяо Кана, которая тоже была не по его воле, стала самой напряжённой струной

в сердце Сун Юя.

Поздно ночью, когда здоровье и зрение Гуань Яо восстановились, Сун Юй и Сяо Кан наконец смогли вернуться.

На обратном пути они оба молчали.

Лунный свет освещал лес, удлинняя их тени. Тени были совсем близко, но не могли слиться воедино.

Войдя во двор, Сун Юй подошёл к стойке с оружием, взял случайный изогнутый меч и вытащил длинную алебарду, бросив её Сяо Кану.

— Учитель? — Сяо Кан поймал алебарду.

Сун Юй ничего не сказал, оттолкнулся ногами, развернулся и направил клинок на Сяо Кана.

— Учитель! — Сяо Кан в испуге поднял алебарду, чтобы блокировать удар.

Сун Юй отвел клинок и начал следующую атаку.

Сяо Кан тоже перестал задавать вопросы, направив алебарду в ответ. Клинок в руках Сун Юя резал воздух, каждый удар казался способным рассечь его.

После семи или восьми раундов Сун Юй не только не снизил силу ударов, но стал атаковать ещё яростнее.

Каждый выпад и уклон Сун Юя едва не сбивали Сяо Кана с толку. Тот, потеряв равновесие, только блокировал удары алебардой, не имея возможности атаковать. Во дворе раздавались звонкие звуки сталкивающегося оружия.

Воспользовавшись моментом, когда Сун Юй поднял клинок, Сяо Кан резко присел и сделал выпад алебардой.

Острие алебарды едва не коснулось горла Сун Юя. Тот, сохраняя спокойствие, отклонился назад.

Сун Юй наступил на острие алебарды, Сяо Кан попытался вырвать её, но Сун Юй сделал выпад ногой, и Сяо Кан отлетел на три метра.

— Кх... — Сяо Кан, держась за грудь, с трудом сел.

Сун Юй с презрением бросил меч обратно на стойку и, глядя сверху вниз на Сяо Кана, сказал с гневом и ненавистью:

— С такими навыками как ты посмел принять вызов!

— Учитель, я... — Сяо Кан, увидев, что он не смог дать отпор, был полон стыда.

Сун Юй был вне себя от ярости:

— Сегодня ты не смог справиться со мной, как ты сможешь справиться с армией?

— В будущем у Цзинъюня будут силы для защиты, прошу учителя... успокоиться.

Сяо Кан встал, не решаясь подойти к Сун Юю.

— Успокоиться? — Сун Юй почувствовал, как его внутренности сжались от боли. — Как я могу успокоиться? Если ты не сможешь справиться с варварами, я даже не смогу найти твоё тело. Как я могу успокоиться?!

Сяо Кан растерялся. Сун Юй никогда так не злился, его голос был почти истеричным.

— Цзинъюнь клянётся вам, что обязательно вернётся живым.

Сяо Кан, задыхаясь, опустился на колени.

Сун Юй, шатаясь, подошёл к нему:

— Что мне делать, а? Что мне делать!

Голос Сун Юя звучал с такой отчаянием, что у Сяо Кана дрожали кончики пальцев.

— Учитель сидит и рассуждает, а Цзинъюнь действует. Что в этом плохого? Этот мир я завоюю для вас!

В глазах Сяо Кана горели преданность и амбиции.

— Завоеешь что... — Сун Юй чувствовал, что задыхается. — Я просто хочу, чтобы ты вырос здоровым, чтобы дух приёмного брата на небесах был спокоен...

У Сяо Кана защемило в носу:

— Учитель, Цзинъюнь хочет, чтобы вы были здоровы.

— Здоровье... — Сун Юй почему-то задыхался.

Он протянул руку и поднял Сяо Кана:

— Твоё здоровье для меня важнее всего...

Сяо Кан никогда не думал, что Сун Юй может так потерять контроль над эмоциями. Он обнял его, крепко прижав к себе самого важного человека в своей жизни.

|